

ЛИТЕРАТУРА, как я ее понимаю, и особенно новеллистика и драматургия, не может существовать без сюжетов. Французское это слово объясняется в одном из словарей как основное содержание литературного произведения. Но сюжет живет и здравствует не в одной только литературе. В устном народном творчестве, особенно в таком его жанре, как разговор, он, этот самый сюжет, также необходим. Бессюжетный разговор считался в народе неинтересным, он тотчас терял свою внутреннюю энергию, слова становились пресными, приобретая чисто формальный смысл. Умные собеседники, чувствующие красоту общения и слова, в таком случае тотчас хватились за рукавицы. У других же разговор продолжался, выливаясь в обычный «треп», как теперь говорят.

Душа, особенно женская, просит поэзии, творческие силы проявляются в форме приукрашивания действительного хода событий. Та или иная новость с помощью творческой фантазии собеседников приобретает новые, не свойственные ей качества, маленькая невинная добавка делает рассказ динамичным. Все это происходит незаметно для самих участников разговора. Из таких добавок складывалась новая сюжетная интерпретация того или иного вполне банального события.

Таким образом, размышляя о разговорном сюжете, вполне резонно говорить о его близком родстве с мифотворчеством. Но реальная действительность и сама всегда была весьма богата сюжетами, поэтому далеко не во всех случаях требовалась особая фантазия и способность беседующих к сюжетному построению. Чаще всего это жизненное, действительное множество сюжетов рождала бытовая, а не производственная среда. Самые увлекательные и ценимые народом сюжеты касались более всего любовных, а также семейных и родственных отношений.

Поражает излишняя экономность нашей литературы в использовании сюжетных богатств. Лишь крохотную долю реально существовавших сюжетов взяла из народной жизни классическая литература... Период, обозримый моей личной памятью и памятью близких мне людей, ограничен примерно началом первой четверти века. Но я ощущаю сейчас, что даже такой литературный гигант, как Лев Толстой, коснулся лишь нескольких социально-бытовых сюжетов, сотнями существовавших тогда в народе. Так же можно сказать и о Бунине, и о Чехове. Горький и Короленко в этом (то есть сюжетном) смысле несколько шире. Но шире отнюдь ненамного. Больше того, кажется, как раз в первой четверти века родилась и широко распространилась мода на литературную бессюжетность. Многие писатели делали упор на интонационное самовыражение. В рассказе и в пьесе сюжет все более вытеснялся настроением, музыкальностью и стилевое единство ценились иногда больше, чем композиционное построение, действие и сюжет.

Стоит ли спорить, что было лучше для русской литературы? Наверное, не стоит, так как для нас дорого и то и другое. И все-таки лучшие пьесы, рассказы или новеллы как раз те, в которых есть и то и другое. Но моя читательская горечь от неиспользования народных сюжетов удваивается, когда я читаю рассказ с явно придуманным, искусственным либо второстепенным сюжетом. (Не буду приводить примеры из Чехова, Горького и Короленко, чтобы не разжигать страсти среди литературоведов и школьных преподавателей.)

Сюжетное богатство народной жизни периода гражданской войны, на мой взгляд, использовано нашей литературой тоже не очень-то по-хозяйски. Это особенно хорошо видно через посредство кино, ведь почти все литературные произведения об этом периоде экранизированы. Одни и те же либо в разной мере сходные конфликты, ситуации, положения, темы переходят из картины в картину, отчего быстро превращаются в штампы. (И вновь по той же причине не хочется упоминать определенные кинокартины.)

С тем, что повторенный сюжет еще не превращает произведение в штамп, вероятно, никто спорить не будет. И все-таки подобное повторение, как и любое другое, опасно и в искусстве, и в литературе. Особенно для начинающего или среднего таланта. Лишь гениальные писатели создают оригинальные произведения на один и тот же сюжет. (Вспомним хотя бы И. А. Крылова или Пушкина с его «Дон-Жуаном».) Получается, что сюжетная новизна не обязательна для гениев, но обязательна для посредственных и средних писателей... Даже заимствование литературных сюжетов художником-живописцем слегка обедняет художника-живописца. Это в разножанровых видах творчества. А заимствование сюжета внутри литературного жанра и вовсе не делает чести творческой личности. Легким отношением к подобным проблемам вполне можно объяснить и плагиат, то бишь литературное воровство.

Известно каждому школьнику, что А. С. Пушкин отдал сюжет «Мертвых душ» Н. В. Гоголю, поскольку сам по каким-то причинам не мог его использовать. Многие писатели и помельче делились друг с другом сюжетами, но именно делились, а не использовали их втайне. Человеческая порядочность в таком деле, видимо, прямо пропорциональна художественным способностям, но чем меньше способности, тем бессознательней воровство. Графоману кажется, что он не ворует, а сочиняет сам.

Бессознательным плагиатом занимаются не одни графоманы, но и подлинные писатели. Ничто услышанное или прочитанное не проходит для писателя бесследно. Все запоминается и складывается куда-то в голове и в сердце. Когда, как, в какой мере, где, в каком контексте будет использована та или иная услышанная от других деталь, фраза, интонация? Писатель не знает. Да беда-то в том, что должен знать. Чем

способней писатель, тем меньше он пользуется готовыми, услышанными от своих коллег образами, деталями, интонациями. Все услышанное и прочитанное чисто переплавляется в его душевном тигле, даже сюжеты, не говоря уж о словосочетаниях, прилагательных и т. д. Женщину в комиссарской кожанке среди анархистов-матросов можно написать только однажды, повторение ее у другого писателя не пойдет ей на пользу. Нельзя бесконечное число раз описывать и показывать на экране один тип, он превращается в стереотип от одного, всего одного повторения! На мой взгляд, именно это и случилось с каким-нибудь матросиком-анархистом или с прижимистым деревенским бородачом в жилетке и в рубаше горошком.

Так по-разному, но всегда неопределенно говорится о литературном сюжете в разных местах. В самой жизни сюжеты, кажется, никогда не повторяются. Там-то они постоянно новые...

Геннадий Квасов, журналист из города Соликамска, прислал мне несколько превосходных сюжетов. Вот дословно одна из страниц его письма:

СЮЖЕТ

«Рассказывал дед, как до революции ехали всей семьей в Сибирь. В Зауралье пришлось ночевать в одном доме. Кроме хозяина, в избе никого не было. Он всех ночлежников поместил на полотах. Сам достал нож, добавил в лампе огня и стал точить. На полотах оробели. Заснем, мол, а он всех порежет. И пока хозяин точил нож, никто не мог уснуть. Точил он долго и упорно. И только в час ночи он побрился, обрезал себе ногти на руках и ногах, задул лампу, лег спать. Вроде и успокоились, но взрослые не уснули до утра. А утром хозяин принес моченую бруснику, но есть не стали — посчитали за вольную ягду».

Да, это был сюжет, в его чистом виде. Мой корреспондент не ошибся. Другие его сюжеты несколько не уступали этому. Но я вновь задаю себе вопрос: «Так что же такое сюжет?» Ведь десять приведенных здесь строчек легко можно расширить до десяти страниц. Получится рассказ. А не ленивый и достаточно опытный писатель накажет и все двадцать пять страниц, то есть печатный лист с хвостиком. Так что же для меня, читателя, будет лучше: двадцать пять страниц писателя или десять строчек Геннадия Квасова? Тут надо думать и думать...

Примерно в это время я работал над книгой очерков «Лад». В одном из ее разделов есть глава о мужиках — копателях колодезцев. Выкопав колодец, который оказался сухим, они тайно, не получив расчета, ушли из деревни. Было очень заманчиво снабдить сюжетом каждую главку хотя бы одного этого раздела. В сюжетах о плотниках, лодочниках, торговцах, нищих, пчеловодах, мельниках и т. д. нужды у меня не было. Но почему-то мне пришлось от них отказаться.

По-видимому, жанровая принадлежность задуманной книги диктует автору и способы распорядиться сюжетами. Письмо из Соликамска заканчивалось так: «Да и вообще, Василий Иванович, от любого сюжета у любого писателя появляются свои мысли».

Что верно, то верно. Мой земляк Иван Афанасьевич Неуступов (ныне покойный) рассказывал мне, как до революции по приговору суда пороли одного мужика за пьянство. Начальство приехало. Собрали сельский сход. Решили: «Дать ему пятнадцать горлянок!» Староста принес виц-ивовых прутьев. Мужика — в земскую избу на скамью. «Я тебя хлестну, — староста говорит, — а хлестну-то не шибко. А ты шибче кричи». Так и сделали. Крик услышали даже на улице. Пристав заходит в избу: «Хватит, хватит ему! Довольно».

Только после этого рассказа мне стали понятны слова гениального автора «Мертвых душ»: «Вынувши из кармана табакерку, ты потчевашь дружелюбно каких-то двух инвалидов, набивающих на тебя колодки». Рисунок художника Лаптева, изображающий эту сцену, просто великолепен. Представим теперь, как по-разному написали бы на сюжет Ивана Афанасьевича такие, например, писатели, как А. Иванов и В. Распутин, оба, кстати, сибиряки.

Но, может быть, существуют в жизни сюжеты, различным толкованиям не подвластные?

В той же книге очерков я упоминал о рукописи повести, написанной еще при живом Пушкине. Рукопись, оказывается, была и в руках одного известного московского писателя. Но, видимо, не заинтересовала его. Хозяйка ее, Зинаида Ивановна Казакова, сообщила:

«Тетрадь найдена в доме д. Савинской Сигинской волости Вожегодского района Фокиной Евдокии — вдовы после русско-японской войны. Евдокия Алек-

Василий БЕЛОВ

сандровна рассказала мне, а ей поведала эту историю бабушка свекрови. У мужа Евдокии Александровны был прапрадед Рокин. Он служил в Питере двадцать пять лет, был денщиком у генерала. Отслужился, пришел в Тигину. Земли нет, семьей не обзавелся. А муж и деверь Евдокии Александровны говорили свысока, были «фартовые», видно, уж полюбила. Ну и солдат такой. Генеральша его полюбила. После смерти генерала приехала в Тигину. А солдат уже похоронен. Стала она жить у одних хозяев. Развела кошек. Однажды кошка напачкала в селянницу. Вызвали священника Измайлова — фамилия Измайловых возглавляла Никольскую церковь триста лет. Он молебен с водосвятием отслужил, отругал хозяев, что летом, мол, надо работать, а не водосвятию делать. Генеральшу велел прогнать. И повезли ее на телеге в г. Кириллов. Тетрадка от генерала осталась. Евдокия Александровна говорила мне: «Возьми, к вам много хороших людей ездит, может быть, кто и прихитит, а потом и к делу придулит».

Через год тетрадь мне передала ее дочь, моя сверстница. Я очень рада, что желание Евдокии Александровны исполнилось — тетрадь прихитена и придулена к делу. Я старая, мне восемьдесят один год, и полуслепая, уж извините такое многословие. И будете в Москве, заезжайте ко мне на 16-ю Парковую...»

Зинаида Ивановна извинялась за многословие... Между тем в свои восемьдесят с лишним лет она сумела на одной странице рассказать интересную историю генеральской рукописи. Уверен, что ей помогло в этом чувство сюжета. Ясно, что если б кто-то из писателей заинтересовался этой историей, он рассказал бы ее совсем по-другому, он наверняка расставил бы эмоциональные ударения. И все это было бы интересно. Но мне, искусственному в писательстве, интереснее больше рассказ Зинаиды Ивановны — беспристрастный, объективный и краткий. Даже в эпизоде с кошкой и селянницей она сумела удержаться от всяких оценок. Может быть, это и есть главный признак в определенных сюжетах?

Тот же Иван Афанасьевич Неуступов рассказывал мне, как, будучи молодым парнем, возвращался из бурлацкой поездки, куда подавался из-за ссоры с отцом. Около волостного правления шли торги. Продавали имущество, описанное за недоимки. И вдруг он увидел, что продают их корову. При третьем ударе молотка он повысил цену. И... пришел домой вместе с коровой. Отец будто бы упал к нему в ноги. Не помню, кто рассказывал мне другой случай, связанный с Кумзерской ярмаркой. Бедный и деликатный мужик приехал продавать жеребенка. На ночлеге знакомая старушка, дальняя родственница, попросила его взять на хранение несколько ценных бумаг. На время, пока она ездит в гости. Он согласился. Старушка съездила в гости, ждет-пождет, а мужика нет. Недели его нет, месяц. Старушка решила, что сама виновата... И вдруг однажды у крыльца останавливаются дрожки. Мужик, одетый, как богатый купец, кинулся ей в ноги: «Прости, Христа ради!» Он вернул ей облигации в тройном размере.

Обе истории, как видим, заканчиваются одинаково: земным поклоном, неутоленной жаждой прощения и самим прощением. Ни та, ни другая не могли бы произойти ни с немцем, ни с англичанином.

В изустных народных сюжетах всегда присутствовал элемент некоторой сентиментальности. Мешало ли это главному значению подобных сюжетов, заложенной в них нравственной назидательности? Мне представляется